

Соколов А. В.

ПЕЧАЛИ, ГРЕХИ И НАДЕЖДЫ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ**Печали.**

Золотой осенью 1960 г. я трепетно переступил порог Книжного Храма — Ленинградского, тогда еще библиотечного института. За три десятилетия многое изменилось и в нашем вузе, и в библиотечной школе в целом. Печаль состоит в том, что большинство изменений оказалось не к лучшему. Горько слышать справедливые, в общем-то, слова: «В очевидных несовершенствах системы подготовки библиотечных кадров сегодня никого убеждать не приходится. . . Растущая год от года некомпетентность выпускников библиотечных учебных заведений. . .»¹. Даже в юбилейных речах звучат меланхолические нотки грусти о былом. О чем эта грусть? О незабвенных учителях, об атмосфере книжной духовности, о библиотечном патриотизме, о легендарном бескорыстии, о патриархальной простоте, о студенческой увлеченности, о том, чего уже нет.

Ныне над библиотечной школой сгущаются грозные тучи общего недовольства. Недовольны все: практики библиотечного дела, получающие по распределению не тех специалистов, которых ожидают; студенты и учащиеся, разочарованные в учебном процессе, в библиотечной профессии, вообще в жизни; преподаватели, влачащие, по словам О. В. Долженко, нагрузку, «которая в несколько раз превышает все разумные пределы, которая держит преподавателя на грани интеллектуального истощения, не давая ему ни времени, ни возможности на интеллектуальную, духовную реабилитацию»².

Главная печальная забота — это, конечно, студенты и учащиеся. Студенчество неоднородно. По формальным социологическим признакам различаются пять студенческих социальных групп: средняя школа — очники и заочники; высшая школа — очники, заочники и

особая группа в их составе — студенты со средним библиотечным образованием. Оказывается, что представители этих пяти групп обладают разными жизненными установками, ориентируются на различные ценности и в связи с этим дают повод по-разному за них тревожиться.

Далее используются фактические данные, полученные в ходе всесоюзного исследования «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы». Исследование еще не завершено, тем не менее некоторые печальные и обнадеживающие тенденции достаточно проявились уже сейчас, и их можно предложить для обсуждения. В иллюстративных целях мы используем результаты некоторых опросов, проведенных в Ленинградском государственном институте культуры (ЛГИК) и Ленинградском библиотечном техникуме (ЛБТ)³. Эти результаты хорошо корреспондируют с данными других вузов и училищ культуры, хотя количественные показатели, конечно, не совпадают.

Начнем со студенчества высшей школы, в качестве характерных представителей которого выступают студенты ЛГИК. На вопрос «Удовлетворены ли Вы преподаванием учебных дисциплин?» ответили отрицательно 80% студентов-очников II курса и 87% — IV курса; у заочников неудовлетворенность выразили 61% на II курсе и 57% на V, выпускном курсе. Наибольшее неудовлетворение вызывает преподавание библиотечно-библиографических дисциплин. 80% очников и 67% заочников всех курсов сообщили, что эти дисциплины им не интересны. При этом 87% очников и 77% заочников оказались заинтересованными в литературе, истории, философии. Налицо явная неконкурентоспособность специальных и

¹ Ратманова С. Как завоевать авторитет // Библиотекарь. — 1989. — № 1. — С. 30.

² Долженко О. В. Альтернатива стереотипам // Вестн. высш. шк. — 1988. — № 6. — С. 20.

³ Опросы осуществлялись доцентами А. Г. Стрельниковой и Е. П. Судариковой, студентами И. Н. Гребенкиной, Т. Г. Ельницкой, Е. Л. Элькинд под руководством С. А. Басова и А. С. Зонина. В ЛГИК опросом охвачены 233 студента II, III и IV курсов очного обучения и 243 студента II, IV и V курсов заочного обучения. В ЛБТ опрошены 86 студентов очного обучения.

общенаучных дисциплин. Особенно не популярны библиотечные курсы. А ведь неинтересных учебных предметов нет, есть скучные и бесталанные преподаватели.

Особенно печальна динамика профессиональной ориентации у студентов очного обучения. Исходная база в целом удовлетворительная, ибо каждый третий студент самостоятельно и осознанно выбрал библиотечный факультет (остальные следовали советам родителей, учителей или случайным обстоятельствам). Но процесс обучения оказался для многих разочаровывающим. Уменьшение интереса к учебе уже на II курсе почувствовали 78% студентов, на III — 84%, на IV — 85%, т. е. большинство. Не удивительно, что на вопрос «Можете ли Вы назвать себя человеком, увлеченным своей профессией?» ответили отрицательно 75% второкурсников, 85% третьекурсников и 82% выпускников. Стало быть, во время профессионального обучения происходит профессиональная дезориентация. Повторяем, что этот вывод справедлив не только для ЛГИК.

Станным на первый взгляд кажется тот факт, что половина опрошенных студентов, столь живо выразивших свою неудовлетворенность учебным процессом, не жалеют о выборе и на вопрос «Повторили бы Вы теперь сделанный Вами выбор специальности?» отвечают утвердительно. Чем же привлекает «недовольных» студентов библиотечный факультет? Интересными лекциями по литературе и истории? Думается, что главным соблазном служит облегченный режим обучения и сокращенный путь к диплому о высшем образовании. Скучные занятия компенсируются снисходительностью преподавателей. Грубоватая шутка — «институт культуры и отдыха» не случайно бродит в народе.

У заочников иное отношение к профессиональной подготовке. Правда, далеко не все, а лишь половина их пришли в библиотечный вуз «самостоятельно», но по мере обучения профессиональная ориентация не падает столь катастрофически, как у студентов-очников. Те же 50% студентов на II и на V курсах сообщили, что увлечены библиотечной профессией. На II курсе у трети студентов уменьшается интерес к учебе, на V курсе их уже 45%. Эти данные, конечно, не дают оснований для сурового вывода о профессиональной дезориентации. Выглядит осмысленным и убедительным заявление 70% студентов-заочников, что они снова выбрали бы свою специальность. Кстати, на вопрос «Смушает ли Вас разговор с посторонними о Вашей будущей профессии?» 86% выпускников-заочников ответили нет, а 69% выпускников-очников — да. Стран-

но, не правда ли, заканчивая вуз, стыдиться своего образования?

Что касается библиотечного техникума, то результаты опроса учащихся очного обучения с 10-классным образованием удивительным образом совпали с результатами опроса студентов-очников. 69% учащихся I курса и 89% учащихся II курса не удовлетворены преподаванием учебных дисциплин; 73% недовольны специальными дисциплинами; 86% заинтересованы в гуманитарных. Не отстают от студентов учащиеся II курса техникума в части профессиональной дезориентации. 82% сообщили о том, что их интерес к обучению уменьшился, а 71% не считают себя увлеченными будущей профессией. Тем не менее половина опрошенных повторила бы снова свой профессиональный выбор.

Эти данные показали настолько неожиданными, что захотелось их проверить на иных аудиториях. Опрос учащихся Псковского областного училища культуры, пользующегося, как и Ленинградский библиотечный техникум, заслуженно высокой репутацией, подтвердил их лишь частично: о неудовлетворенности преподаванием учебных дисциплин заявили 85% учащихся выпускной группы, об интересе к специальным дисциплинам — 48%; занятия по литературе и истории привлекают, как и повсюду, подавляющее большинство — 78%; 45% учащихся сообщили, что их интерес к учебе уменьшился в процессе обучения, но две трети опрошенных остались увлеченными своей профессией (отрадный показатель!).

Не может не печалить уровень товарищества в студенческих группах очного обучения. На вопрос «Присуща ли Вашей учебной группе товарищеская взаимопомощь?» отрицательно ответили 80% студентов ЛГИК, 60% учащихся ЛБТ и вся группа Псковского училища, участвовавшая в опросе. Опросы в других институтах культуры подтвердили отчужденность каждодневно встречающихся друг с другом студентов-очников, неразвитость личных симпатий между ними. Иной психологический климат обнаруживается в группах заочников. 60% склоняются к мнению, что «группа всегда придет на помощь товарищу без особых просьб с его стороны». Жаль, если акт вручения дипломов окажется последней встречей библиотекарей-одноклассников.

Что ждет в будущем наших выпускников? Характерная черта профессионального библиотечного сознания, как мы уже отмечали однажды, — беззаботный оптимизм, спасительная уверенность в благополучном исходе текущих печалей⁴.

⁴ Соколов А. В. В ожидании перестройки // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1989. — № 10. — С. 3—10.

Не задумываются над грядущими тревогами наши библиотековеды и педагоги, которые беспечно живут настоящим днем и прошлым опытом, не имея модели ни библиотеки будущего, ни библиотекаря будущего. Боюсь, что расплачиваться за нашу беспечность придется уже не нам, а ученикам нашим, и вряд ли они вспомнят добрым словом своих учителей.

В начале 1960-х гг., когда с легкой руки М. Макклюзна в мире заговорили о крушении «Галактики Гутенберга», о грядущем «безбумажном» информационном обществе, где якобы не останется места книге, мы дружно осудили эти буржуазные провокации. Наши библиотечные авторитеты во главе с О. С. Чубарьяном с порога отвергли страшную антиутопию: библиотеку без книг и без читателей. Но сегодня информатизация становится реальностью в нашей стране. 15 июля 1988 г. принято постановление Политбюро ЦК КПСС «О разработке концепции информатизации общества»⁵.

Понимание содержания понятия «информационное общество» не однозначно. Можно выделить, по крайней мере, три точки зрения. Во-первых, информационное общество — это компьютеризованное общество. С этой техницистской позиции информатизация сводится к компьютеризации общественного производства, быта и досуга. Во-вторых, политологами информатизация отождествляется с обеспечением доступа к любой информации, а информационное общество рисуется как общество гласности, открытости и свободы коммуникации. В-третьих, с социологической точки зрения информационным надо считать такое общество, где большинство населения занято созданием, обработкой и хранением информации, а не материальным производством или материальными услугами.

Ни технократы, ни политологи, ни социологи не задумываются о роли книги и библиотеки в информационном обществе. Более того, некоторые из них не прочь вообще исключить эти реликты прошлой культуры из своих прогностических сценариев. Не случайно в альтернативных концепциях информатизации нашего общества, представленных в ЦК КПСС, слово «библиотека» даже не упоминалось. Конечно, это факт печальный. Еще более печально, что нет представления о библиотекаре «информатизированного» советского общества. Какой библиотекарь нужен этому обществу: только «организатор-технолог автоматизированных библиотечно-библиографических систем», «повелитель библиотечных роботов»?

Чтобы достойно встретить будущее информационное общество, важно не отказываться

от жизнеспособных традиций книжной культуры, а синтезировать их с возможностями компьютеров, средств связи и репрографии. Библиотекарь будущего будет оцениваться не по степени компьютерной грамотности, ибо этой грамотностью будут владеть все, а по приобщенности к миру книг, доступной не всем, а интеллигентам-книжникам. Чтобы гарантировать выживаемость библиотечной профессии в безбумажном информационном обществе, нам следует готовить в библиотечной школе интеллигентов-книжников. Библиотекарь должен привлекать людей в библиотеку не компьютерными играми и видеосалонами, а книжными фондами и духовным общением читателей. Компьютерные навыки нужны для обеспечения доступа к сокровищам «Галактики Гутенберга». Профессионализация библиотечного работника состоит в его натурализации в гутенберговской Галактике, в его превращении в хозяина и хранителя мира книг.

Тревога моя состоит в том, что учащиеся — и очники, и заочники — в равной мере, хотя и по-разному, далеки от идеала интеллигент-книжника. (Есть, понятно, исключения, но речь не о них.) Выдавая ежегодно 20 тысяч дипломов выпускникам библиотечной школы нашей страны, мы не облегчаем скорбь библиотечного дела, ибо очень мало среди наших питомцев тех, кто действительно нужен бедствующим библиотекам. В наших учебных заведениях отсутствуют культ книги, атмосфера книжности, безумное книголюбие, названные М. Н. Куфаевым «библиоманией». Хотя бы несколько «библиоманов» на библиотечный факультет! Как их не хватает! Увы, приходится нам расплачиваться за грехи наши.

Грехи.

Грех есть деяние, достойное спасительного покаяния. В чем же надобно каяться хозяевам библиотечной школы — преподавательскому составу и административному руководству?

Всякое специальное учебное заведение, помимо долга перед обществом, заключающегося в подготовке специалистов нужной квалификации, имеет еще долг перед своими учащимися. Второй долг, пожалуй, даже важнее первого. Студенческая юность — время созревания личности, время, судьбоносное для человека, доверившего себя библиотечной школе. Жизненный успех наших выпускников зависит не столько от знаний, умений и навыков, полученных в школе, сколько от включенных в структуру личности нравственных установок, идеалов и ценностей, интеллектуального и эстетического развития, наконец, готовности адаптироваться к непредсказуемым условиям будущего. Школа не может одарить своих уче-

⁵ Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 1.— С. 55.

ников талантами, но она должна востребовать от каждого скрытые таланты и способности, создать максимально благоприятные условия для их раскрытия и расцвета. Библиотечная школа должна быть не только гуманитарной, но и гуманистической. Увы, она таковой не является.

В оправдание можно сослаться на то, что кризисные явления в образовании повсеместны. Прагматическая ориентация на валовой выпуск специалистов привела к нравственной деградации вузов и университетов. «Жизнь покидает стены аудитории, которые заполняются тенями и масками, произносящими заученные слова ролей. Тем самым создаются предпосылки для того, чтобы в вузах преподавали, а из их стен выходили неинтересные люди... Одной из причин кризиса образования является разрыв между образованностью и обученностью... В отличие от недавнего прошлого стратегической целью образования... становится упреждающая подготовка человека... Вуз должен выступать как носитель культуры будущего...»⁶.

Мы, преподаватели библиотечной школы, повинны в том, что сделали эталоном обученного специалиста, а не образованного интеллигента. Технократическое мышление возобладало над гуманистическим. Бюрократическое документирование технологии обучения оказалось важнее атмосферы свободного диалога, педагогического сотворчества, самооткрытия и самовыражения учителя и ученика. Но так получилось не потому, что мы захотели, а потому что нас заставили.

Образ жизни советского преподавателя есть самоотверженная суета. Аудиторная нагрузка (700—900 часов в год) является чрезмерной. Кроме того, общественные мероприятия, подготовка к учебным занятиям, внеаудиторное индивидуальное общение с учащимися. Здесь затраты времени не планируются. Вузовским педагогам планируется научно-исследовательская деятельность, которая в силу ее творческого характера, как известно, планированию не поддается. Не удивительно, что ни один из опрошенных нами преподавателей не оценил напряженность своего труда как «нормальную», две трети дали оценку «постоянно высокая, иногда — стрессовая», одна треть ощущает перегрузки «время от времени». Две трети преподавателей требуют «коренного пересмотра» действующих нормативов на педагогическую работу, одна треть ратует за «частичную корректировку». Сторонников сохранения существующего положения дел нет. Остается удивляться, что при столь нещадящем образе жизни лишь 20% преподавательского

состава считает свое здоровье плохим, 75% — удовлетворительным и 5% — хорошим.

Еще более удивительна поголовная удовлетворенность педагогов результатами своего труда. Никто из опрошенных, вопреки постоянным перегрузкам, вопреки ненормальным условиям работы, вопреки недовольству учащихся и рекламациям практиков, не заявил, что он «почти всегда» не удовлетворен результатами своей педагогической деятельности. Позвольте, уважаемые коллеги! Или вы в суете повседневной не замечаете очевидных угроз, или сознательно вводите нас в заблуждение. И в том и в другом случае вы берете лишний грех на душу!

Нельзя сказать, что библиотечное образование оскудело реформаторами. Подсчеты показывают, что ежегодно появляется не менее 30 публикаций, обсуждающих общие или частные проблемы библиотечной школы. Самой популярной темой в последнее время стала перестройка системы учебных планов, а центральной проблемой перестройки — пересмотр учебных планов и экспериментирование с ними. Предложений масса, и немало ценных, но их никто не осмысливает и не обобщает. Скоропалительные управленческие решения стали модой в библиотечном деле. Руководители единогласно ратуют за «научно обоснованные» преобразования, планируют серьезные исследования и, не дожидаясь их итогов, решают так, как считают нужным.

К примеру, в текущем пятилетии была задумана всероссийская научно-исследовательская работа «Совершенствование высшего библиотечно-библиографического образования» под руководством Московского государственного института культуры (МГИК). Независимо от этой работы в 1987/88 учебном году МГИК перешел на три экспериментальных учебных плана, дифференцированных по типам библиотек (массовые и научные, детские и юношеские, научно-технические и естественнонаучные)⁷. Безусловным достижением «библиотечной подготовки» является концепция перестройки высшего библиотечного образования, основанная на различиях в профессиональных и непрофессиональных информационных потребностях, но она родилась вне плановых исследований⁸. Подлинным сюрпризом

⁷ Иванова Т. А., Терешин В. И. Дифференциация высшего библиотечного образования по трем типам библиотек // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1989.— № 1.— С. 28—32.

⁸ Андреева И. М., Сляднева Н. А., Трапезникова Л. В. Что положить в основу подготовки специалистов высшей квалификации // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 3.— С. 26—31; Сляднева Н. А., Зубов Ю. С. Учитывать тип информационных потребностей общества // Сов. библиотековедение.— 1989.— № 5.— С. 30—35.

⁶ Долженко О. В. Альтернатива стереотипам // Вестн. высш. шк.— 1988.— № 6.— С. 19—26.

Для библиотечной науки стало решение руководящих органов о срочной разработке концепции библиотечного дела в СССР и в РСФСР, где есть раздел «Кадры», составленный умозрительным путем. Завершая в 1990 г. первую очередь всесоюзного исследования «Библиотечная профессия: современное состояние и перспективы», мы невольно задаемся вопросом, зачем в муках создавать научную музыку, если управленческие танцы исполняются без аккомпанемента?

В свете печалей, постигших библиотечную школу, не верится, что несовершенство учебных планов — главный наш порок и враг. Не верится, что если вместо комплексов литературы мы будем ориентироваться на типы библиотек или типы информационных потребностей, то аудитории заполнятся жаждущими знаний студентами, а преподаватели библиотечно-библиографических курсов обретут достоинство любимых учителей и авторитетных ученых. Степени свободы в перестройке учебных планов ограничены сложившейся структурой кафедр, наличным составом преподавателей, имеющимся массивом учебной литературы и, наконец, благонамеренным консерватизмом профессиональных библиотекарей-библиографов. Опыт показывает, что дело сводится к терминологическим уточнениям, слиянию и разделению курсов, иногда (это уже радикально!) введению или исключению той или иной дисциплины (так, в 1970-е гг. на лицевой стороне учебного плана появился курс «Математические методы библиотечной работы», а в 1980-е он бесследно исчез). Не случайно распределение учебного времени между комплексами учебных дисциплин остается почти стабильным: общественно-политические дисциплины в учебном плане 1976 г. занимали 16%, 1983 — 15%, общенаучные соответственно — 32% и 35%, специальные — 52% и 50%.

Незыблемость учебных планов не означает их идеальности. Напротив, их уязвимость видна во всяком компетентном исследовании: например, отсутствие комплекса общепрофессиональных дисциплин, без которого нельзя обеспечить не декларативную, а реальную подготовку специалиста широкого профиля; произвольность паритета в распределении учебных часов между общенаучными (включая общественно-политические) и специальными библиотечно-библиографическими курсами. Но нельзя начинать перестройку библиотечного образования с перетасовки учебных планов и программ. Чтобы разрешить кризис библиотечного образования, нужна не дидактическая, а организационно-экономическая реформа.

Первопричина убожества библиотечного образования — государственная политика экономики на культуре. От голодного пайка культуры на специальное образование достаются крохи. Здесь действует остаточный принцип остаточного принципа. Но этого мало. При распределении скудного бюджета местные вузовские власти учитывают нужды библиотечного факультета в последнюю очередь. В вузах культуры нет и никогда не было ни одного ректора, который имел бы библиотечное образование и отдавал бы предпочтение скромному библиотечному факультету, а не красочному и шумному факультету культурно-просветительной работы. Отсюда нищенская материально-техническая база библиотечного образования.

В библиотечном образовании авторитарный стиль управления давно стал привычной нормой. Впрочем, не только в библиотечном. Главный ученый секретарь Госкомобразования СССР Л. Г. Третьякова справедливо замечает: «Думающего, свободного студента иметь хлопотно. У нас вся система построена так, чтобы легче было администратору и работнику вуза⁹. Бесправным и безгласным оказывается не только студент, но и рядовой преподаватель.

Рецепт пробуждения школы от привычного застоя известен: демократическое самоуправление преподавателей и студентов. Разработка учебного плана (полностью, а не частично) должна стать прерогативой вуза; так же как подготовка учебных программ — делом кафедр. Несуразная и бестолковая перегрузка преподавателей и студентов должна быть устранена; организацию педагогического труда следует доверить самим педагогам, а не методистам учебной части. Самообслуживание и самоорганизация студенчества... и т. д. Не будем продолжать известные мотивы.

Библиотечная школа не может запеть в полный голос, потому что она полузадушена в отеческих объятиях Министерства культуры СССР. Кто платит, тот и заказывает музыку. И мы ежегодно повторяем старомодное попури из ведомственных мелодий, вызывающее у библиотекарей не радость, а печаль. Есть ли надежды на освобождение? Да, есть, но об этом — в конце статьи.

Надежды.

Есть надежда-мечта и надежда-побуждение. Надежда-мечта служит утешением в пассивном ожидании лучших времен. Например, можно надеяться на то, что будут образованы самостоятельные библиотечные вузы с пятилетним сроком обучения и тогда...

⁹ Главная задача — дать студенту право // Вестн. высш. шк. — 1989. — № 10. — С. 4.

Надежда-побуждение усиливает решимость активно действовать собственными силами. Именно о надеждах-побуждениях пойдет речь. В перестройке библиотечного образования активную роль могут сыграть четыре силы: студенчество, преподавательский корпус, управление, библиотечная среда. С какою из этих сил связаны наши надежды?

Нынешнее студенчество, особенно пользующееся благами очного обучения, не внушает доверия. Они не удовлетворены учебным процессом, но, будучи задавленными методами силовой педагогики, выражают свой протест пассивно — формальным выполнением требований преподавателей, общественной апатией, путем ухода в личную жизнь. Включение представителей студенчества (кстати, не избранных демократическим путем, а административно назначенных) в составы советов факультетов и институтов оказалось лишним доказательством студенческого беспорядка.

Но вот что интересно. На вопрос «Как Вы оцениваете уровень профессиональной активности библиотечной молодежи?» подавляющее большинство библиотечных работников и преподавателей, как ожидалось, отдали предпочтение ответу «старшее поколение более активно». Студенты же и учащиеся средних учебных заведений в массе своей не согласны с таким приговором и утверждают, что «молодежь не уступает старшему поколению». 78% студентов и половина учащихся техникума считают, что их группе куратор-преподаватель не требуется. Что это: завывшая самооценка или справедливый протест против дискриминации? В любом случае готовность молодежи отстаивать свою самостоятельность обнадеживает.

Печалит то, что претензии не подкрепляются умением. Более 85% студентов считают, что не нужно посещать все лекции. Вместе с тем 60% признают, что самостоятельно скорее всего не смогут рационально организовать свою учебную деятельность. Примерно такое же количество студентов, по их собственному признанию, не владеет искусством (культурой, техникой) чтения. И все-таки на вопрос «Могли бы Вы сдать экстерном прошлую сессию?» утвердительно ответили 59% студентов ЛГИК.

Конечно, среди студенческой молодежи встречаются самостоятельно мыслящие и профессионально увлеченные личности. Но они формируются скорее вопреки, чем благодаря сложившейся системе библиотечного образования. К сожалению, таланты и способности студентов-очников в массе своей остаются невостребованными и превращаются в кислый скептицизм и горький нигилизм. Надеяться на заочников нельзя хотя бы по

той причине, что они являются редкими гостями в учебном заведении. Их цель заключается, прежде всего, в том, чтобы ценой чрезмерных психических и физических перегрузок выполнить во время месячной сессии учебный план целого года. Тут уж не приходится думать о повышении качества профессиональной подготовки или расширении кругозора.

Подлинной движущей силой библиотечной школы всегда был преподавательский коллектив. Пусть совесть наша не безгрешна, но только мы, педагоги и ученые, можем прояснить печальное чело библиотечной школы. Правда, педагоги и ученые бывают разные. Консервативный догматизм, научный провинциализм, самодовольное комчванство имеют своих влиятельных носителей. Немало трусливых последователей, послушных начетчиков, ловких бездарностей. Но есть (и в этом наша надежда) достаточно многочисленный отряд энергичных, самобытных, талантливых и смелых молодых педагогов. Мудрый А. Я. Черняк как-то заметил, что «создавать библиотекаря новой формации способны лишь преподаватели нового типа»¹⁰. Хочется верить, что «преподаватели нового типа» уже находятся среди нас. Но они не смогут проявиться сами собой, нужно изменение условий. Первый толчок, начальный импульс перестройки высшего и среднего специального образования не поступит ни от студенчества, ни от рядовых преподавателей, дать ему ход должно руководство. И управляющее воздействие уже поступило!

Без всякой иронии можно сказать, что принятые в 1987 г. «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования» представляют собой обширную и хорошо продуманную систему перестроечных решений. Нет нужды создавать особую программу перестройки библиотечной школы, достаточно взять на вооружение одобренные рекомендации, поддержанные к тому же постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Собственно говоря, так оно и произошло. И министерства культуры, и руководство вузов взялись за реализацию указанных рекомендаций. Но ожидаемого всплеска энтузиазма и инициативы со стороны преподавателей и студентов пока не заметно. Опросы показали, что большинство сотрудников вузов считают, что «результаты перестройки пока нет», а кое-кто полагает, что стало хуже, чем было раньше. Надежды оказались обманутыми. Стало быть, нужны

¹⁰ Черняк А. Я. Высшее библиотечное образование в преддверии нового этапа // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1988. — № 7. — С. 16.

более решительные меры. Подобной мерой может стать организация региональных учебно-научных объединений (РУНО). На чем основана эта надежда?

Семимесячный младенец всегда будет недоношенным, а специалист с четырехлетним образованием всегда будет недоучкой. Как бы ни старались искусные преподаватели, есть объективное ограничение на повышение качества обучения: четырехлетний срок. А если вспомнить сельскохозяйственные работы, отнимающие минимум 200 часов учебного времени, медицинскую подготовку, занимающую столько же учебных часов, и т. п., то становится очевидной печальная истина: высшая библиотечная школа фактически не является полноценной высшей школой. Мы не даем своим выпускникам подлинного высшего образования и дать его не можем! (Средняя библиотечная школа, по-видимому, более благополучна.)

Вместе с тем налицо бездарное разбазаривание дефицитного учебного времени. Вспомним о студентах со средним библиотечным образованием, обреченных ныне на сизифов труд повторения пройденного. Из опрошенных нами 76 студентов-заочников старших курсов и 23 очников более 60% ответили, что высшая школа не обогатила их ни новыми теоретическими знаниями, ни новыми умениями и навыками. Эти студенты считают, что могли бы сдать вузовские экзамены по курсам «Библиотечные каталоги» и «Работа с читателями», пользуясь только конспектами техникума. Правда, относительно библиографических дисциплин то же заявили лишь 36%. 75% студентов со средним библиотечным образованием полагают, что они могли бы освоить вузовскую программу обучения за три года вместо четырех.

А если бы все студенты библиотечного факультета имели диплом средней библиотечной школы, можно было бы значительно повысить научный уровень высшего библиотечного образования. Введя сквозные учебные планы для средней и высшей библиотечной школы, мы получили бы не урезанную четырехлетку, а шестилетнее библиотечное образование! Какой простор для профессионализации, для духовного возмужания и обогащения библиотечной культуры XXI века!

Интеграция высшей и средней библиотечной школы практически ничто не препятствует, кроме нашей инерции. В Хабаровском крае преодолели инерцию разобщенности и при одобрении со стороны Министерства культуры РСФСР перешли на двухступенчатую подготовку библиотечных кадров. Эта инициатива тем более примечательна, что она лежит в русле социально-экономической, а

стало быть, и культурно-краеведческой автономизации республик и регионов.

Идея регионального самоуправления (самохозяйствования, хозрасчета) воплощается в жизнь не только в Прибалтике, но и в различных регионах РСФСР. Ясно, что экономически самостоятельный регион должен иметь собственную региональную библиотечную систему, включающую библиотеки разных типов. Очевидно также, что подготовка кадров для достаточно развитой региональной библиотечной системы должна быть налажена в самом регионе. (Это, конечно, не закрывает возможности обучения специалистов из других регионов при соответствующей компенсации затрат на их образование.)

В будущем, возможно, нормой станет схема финансирования «региональная библиотечная система — региональное учебно-научное объединение». Именно библиотеки, являющиеся потребителями кадров, должны стать их заказчиками. Тогда не придется чуть ли не директивно принуждать библиотечную школу к связи с практикой. Печальный разрыв библиотечного образования и библиотечного дела исчезнет сам собой. Пропадет монополистический диктат учебных заведений — производителей кадров. Сейчас руководители библиотек, глухо ворча, вынуждены брать те кадры, которые им поставляют, ибо выбора нет. Кардинальная перестройка библиотечной школы заключается в изменении ее экономического базиса.

Не скудные ведомственные подачки должны питать библиотечную школу, а отчисления самоуправляемых региональных библиотечных систем. Сейчас таких систем нет, ибо возникновение их в условиях централизованного административно-командного управления невозможно. В условиях же регионального хозяйственного самоуправления не только возможно, но и целесообразно формирование региональных библиотечных систем, имеющих собственные источники финансирования в виде нормативных муниципальных отчислений за библиотечное обслуживание населения, договорных отчислений предприятий за обслуживание их коллективов и, наконец, доходов от платных библиотечно-библиографических услуг, поступлений от спонсоров, пожертвований и т. п.

Говорят, что американские университеты богаты не потому, что богата Америка, а Америка богата потому, что богаты американские университеты. Наши библиотеки никогда не станут богатыми, если будет бедной библиотечная школа. Богатство библиотек — от материально-технической базы до социального престижа — создается библиотечари-

ми, которых готовит библиотечная школа. Вклад в библиотечное образование — это вклад в будущий расцвет библиотечного дела. Предлагая поставить библиотечную шко-

лу в экономическую зависимость от библиотечной практики, я надеюсь, что библиотекари-практики хорошо понимают зависимость библиотек от библиотечной школы.